

ОКСАНА ЗАУГОЛЬНАЯ

ВЗГЛЯД
ХИЩНИКА

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-37

Редактор серии *Екатерина Тёрина*
Дизайн обложки *Натальи Каптыкиной*

Заугольная, Оксана Олеговна.

З-37 Взгляд хищника : роман / Оксана Заугольная. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-229312-2

После жестокого нападения Полина не может выйти за порог дома — страх и травма превратили ее жизнь в тюрьму. Единственной опорой в жизни стал муж Влад, который спас ее в тот день и теперь окружает заботой и любовью.

Но однажды подругу Полины находят убитой: почерк преступника до мельчайших подробностей повторяет нападение на нее саму. Влад убеждает девушку молчать, чтобы не привлечь внимание маньяка. Однако обрывки воспоминаний складываются в картину, от которой стынет кровь: что, если все, во что она верила, оказалось ложью?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Заугольная О., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229312-2

Глава 1

Жёлтый стикер прямо на мониторе компьютера сразу привлёк взгляд. Полина сорвала его, но не выбросила, а прочитала, вглядываясь в неровный почерк.

«Он не найдёт тебя здесь и не сможет тебя убить. Помни это. Целую, приду на обед! Твой В.»

Полина привычно растянула губы в улыбке. Словно резиновая маска, её лицо плохо подчинялось её же желаниям. Проскользнула беспокойная мысль: она не заслуживает Влада. Он такой внимательный, такой понимающий!

Другой давно бы отправил её к психотерапевту или бросил бы, а Влад каждый день напоминает ей, что она не одна.

Эти обычные жёлтые стикеры Полина находила каждое утро. Муж подбадривал её, рисовал на жёлтых квадратиках сердечки и ромашки, оставлял сладости. Но глупый мозг не желал понимать этого. Полина читала об этом в юности. Дурацкая книжка, она бы сейчас не вспомнила ни обложку, ни названия. Там утверждалось, будто наш разум не воспринимает частицу «не». Поэтому якобы и загадывать ничего с этой частицей нельзя — сбудется ровно наоборот. Куда Полина подевала эту книгу? Рассмеялась и выкинула, небось. Или отдала подругам почитать.

Сейчас Полине было не до смеха. «Сможет». «Найти». «Убить». «Сможет». «Помни это!» Маленькая частица «не» привычно терялась, и Полина сидела перед выключенным компьютером, вцепившись в столешницу и переживая особенно острый приступ паники.

Голова у неё словно была плотно набита ватой, руки дрожали, и сильно билось сердце. И дышать становилось невозможно, будто вместо воздуха она вдыхала всё ту же вату.

Когда такое случилось с Полиной в первый раз, она все оставшиеся ей крохи сил потратила на то, чтобы набрать номер мужа, но сказать что-то не смогла — мешала эта вата. И рот открывался, как у рыбы. Получилось только шлёпать губами. А потом вышло так, что она потратила слишком много — и отключилась.

Очнулась Полина от резкого запаха нашатыря. Кто хоть раз был вынужден его вдыхать, потом был готов на что угодно, лишь бы этот опыт не повторялся.

Полина открыла глаза и словно складывала мозаику из того, что видела. Два незнакомых лица. Одно родное — Влад. Отвратительно-жёлтые обои. Картина на стене. Почему даже с дивана её видно?

Вообще-то, картина была совсем небольшая, едва ли с две ладони. Кажется, этот стиль назывался кубизмом. Квадраты, треугольники и линии, уходящие в никуда. И только глаза выделялись на картине. Отвратительные глаза, злые и очень живые.

Полина снова вдохнула, слишком резко, и закашлялась от запаха нашатырного спирта. Завертела головой, жмуря глаза. Сквозь веки текли слёзы, а Полина снова пыталась убежать. От картины, от

отвратительно-жёлтых обоев, от грубоватых фельдшера и санитаря.

Только не от Влада, который держал её за руку, и под его большим пальцем бился её неровный пульс.

Как потом оказалось, Влад после её звонка бросил всё и приехал домой, а ещё по дороге вызвал «Скорую». Правда, они обошлись нашатырём и настоятельно рекомендовали купить домой хотя бы салфетки с ним же. Запах нашатыря потом долго преследовал Полину. Влад купил целую коробку салфеток, и порой она забывалась и вскрывала одну, чтобы протереть монитор или клавиатуру. Так что бежать от этого запаха никак не удавалось.

Удивительно, но этот запах, стимулирующий дыхание, когда нет сил дышать самому, для спокойной Полины был удушающим и крепко связанным с чувством вины. В тот день, приехав к ней, Влад лишился шанса на повышение. Он не обвинял её, нет, Влад не такой. Но Полине было достаточно того, что она знала.

С тех пор приступы паники только участились, но Полина научилась с ними справляться. Просто сжимать руки на чём-то, чтобы не расцарапать ногтями ладони, просто пытаться дышать. Просто помнить: это пройдёт.

Сбоку от клавиатуры лежала нашатырная салфетка. Белая и матовая. Обманчиво близкая и недостижимая, если надо во время приступа порвать жёсткую оболочку, скрывающую одуряющий аромат вины. Полина смотрела на неё, а перед глазами скакали такие родные буквы.

Сможет. Найти. Сможет. Убить.

Полина уже давно не боялась насильственной смерти, боялась лишь того, что будет перед ней. Боли, стыда и ужаса.

Приступ сходил на нет. Сначала стало легче дышать. В груди ещё вибрировало что-то, словно её сердце превратилось в студень и мелко тряслось от любого волнения, но уже можно было отпустить столешницу. Полина пристально смотрела на едва заметные на покрытой лаком древесине следы от своих ногтей, чтобы не коснуться взглядом пожелания мужа. Нужно собраться и сделать это не глядя. Стряхнуть стикер в ящик стола к другим таким же. Небрежно и внутренне умирая так, словно стряхиваешь не квадратик жёлтой бумаги, а дохлого жука. Хочется после этого помыть руки. Но нельзя.

Полина как могла следила за своим психическим здоровьем и много читала на эту тему в интернете. Точно такого же там не встречалось, но Полина знала: мыть руки после того, как ты коснулась записки от мужа, определенно было бы в числе нездоровых симптомов.

Полина включила компьютер и от щелчка снова запаниковала. Уже не было всепоглощающего ужаса, нет. Просто сердцебиение усилилось, и холодный пот выступил на спине. Полина всегда двигалась по квартире очень тихо: не шуршала тапками, не ударяла посудой о столешницу или мойку. Воду включала тонкой струйкой, смывала в туалете, только аккуратно опустив крышку. Почему-то ей казалось, что лучше, если никто не будет её слышать. Даже соседи. Особенно они.

Монитор терпеливо горел приглушённым светом, и Полина решила сосредоточиться на работе. Отредактирует хотя бы пять страниц. Нет! До первого серьёзного замечания к тексту, точно! И можно похвалить себя. Налить чаю, сделать его нестерпимо сладким, чтобы даже зубы заломило.

И открыть коробку с печеньем, что стояла в серванте с празднования Нового года.

Полина поднялась из-за стола. Показалось, что будет правильным сразу поставить чайник и принести коробку в комнату. До первого замечания ей не придётся долго работать, и чайник не успеет остыть.

Ноги казались слабыми и чужими, как всегда после панической атаки. Злясь на себя, Полина, не поднимая взгляда, прошла мимо картины, шагнула в туалетную комнату. Здесь стены были выложены мелкой голубоватой плиткой и было куда проще успокоиться, чем в гостиной. Она забыла опустить стульчак, оставленный так мужем, и кожу приятно охладила фаянс. Мелкая плитка поблёскивала, успокаивая, точно блики на воде. Всё хорошо, Влад прав.

Здесь её никто не найдёт. Никто больше не хочет её убить. Только не здесь.

Полина вымыла руки, ополоснула лицо и, как можно тише ступая босыми ступнями, прошлёпала на кухню. Здесь её тоже окружал жёлтый цвет, но приглушённый, скорее горчичный.

Чайник успокаивающе заворчал, его прозрачный бок светился ослепительно-синим, и, словно в морской пучине, к глади воды стремились первые крошечные пузырьки.

С трудом отведя взгляд от чайника, Полина вцепилась в жестяную банку с печеньем и двинулась обратно в комнату.

Три шага из кухни мимо белой двери в туалет. Никто. Ещё шаг — мимо ванной. Не сможет. Пять, нет, шесть шагов мимо спальни — в гостиную. Меня.

Полина пересекла комнату, уселась в отодвинутое кресло на колёсиках и брякнула коробку на

столешницу. Вздрыгнула от звука, но выдержала. Найти.

Щёлкнула мышкой, открывая документ. День начался не очень хорошо, но такое бывало и раньше. Утром любая мелочь могла вывести из равновесия. Записка, оставленная любящим мужем. Картина, которая первой бросается в глаза, едваходишь в комнату. Шаги соседей снизу, резкий крик во дворе.

Полина была по-настоящему благодарна Владу за то, что он позаботился обо всём. Привёз её сюда и сам подготовил квартиру. Выбрал малоэтажный район, где незнакомцев почти не бывает, а если и проходит кто, то сразу попадает на глаза бдительным соседям.

Но и на этом Влад не остановился. Несмотря на второй этаж, он поставил на окна решётки, а дверь заменил на двойную. Железная дверь сильно выделялась на фоне других дверей в их доме на двенадцать квартир, но Полине не было до этого никакого дела. Она снаружи дверь видела крайне редко.

Полина снова поёрзала в кресле, попыталась вчитаться в первый абзац. Буквы расплывались перед глазами, мелькали оранжево-чёрными полосами тигра с банки с печеньем. Почему Влад выбрал эту, а не с тигрёнком, похожим на мягкую игрушку, или с ёлочкой, Полина не знала. Теперь жёлтые глаза пристально глядели за ней с крышки банки. А со стены смотрели другие.

Смирившись с тем, что работу придётся отложить, Полина крутанулась на кресле и уставилась на дурацкую картину.

На кухне щёлкнул чайник — вскипел. Полина чувствовала себя почти как чайник, готовый вскипеть просто на пустом месте. Сейчас подняться с крес-

ла, подойти к стене и... хотя бы поправить картину: она висит неровно, смотреть на неё противно. А может... может, даже снять.

Она хранит в верхнем ящике стола все записки Влада и больше ничего. Там хватит места и для одной небольшой картины. И можно снова работать и не думать, что глаза следят за ней со стены. Глупость несусветная, конечно. Картина висела у них и раньше. Кажется, её повесил ещё в прежнем их жилье Влад, но уверена Полина не была.

У неё часто путались воспоминания. Сначала она паниковала ещё и из-за этого, нашла в интернете кучу диагнозов, половина из которых смертельны, но потом остановилась на одном. Случившееся с ней просто оказалось слишком травматичным. Её мозг подавляет воспоминания и — как результат — накладывает ложные. Обычное дело, тысячи людей живут так же. Только вот это совсем не успокаивало. Иногда ей казалось, что, если Влад скажет, будто картина принадлежала Полине и это она повесила её на стену, Полина решит, что это вполне возможно. И даже вспомнит, как покупала её на блошином рынке ещё в Москве.

Москва теперь была далеко, в дымке перепутанных воспоминаний. Её словно не было, и вся жизнь Полины заключалась в стенах этой квартиры. Таких... жёлтых.

Полина прочла третий раз один абзац и наконец нашла опечатку. Она выдохнула, медленно и со вкусом, позволяя своим напряжённым плечам опуститься и расслабиться. Всё хорошо. Она уже начала работу, и значит, успеет в срок. До обеда ещё четыре часа. Она успеет сделать половину.

Потом приготовит обед. Закинет стирку и сядет снова за работу.

Стиральная машина была большим достижением для Полины. Несмотря на то что она гудела, Полина пользовалась ею, но постоянно боялась, что сорвёт шланг, что зальёт соседей. Тогда они придут к ней ругаться, а она просто упадёт на пол, свернётся в калачик и будет молча глотать слёзы, не в силах сделать ровным счётом ничего. Но оставлять ещё и это на время, когда Влад дома, она не могла. Она и без того пылесосила, лишь когда он возвращался домой.

Первое время Влад сердился. Он считал, что Полина делает это специально: увидит муж, как она возится с тяжёлым пылесосом, — и поможет. Полине больших трудов стоило убедить его, что это не так и она просто не хочет, чтобы днём кто-то знал, что она дома. Кто-то чужой. Ей приятно было думать, что она невидимка, и Влад смирился с очередным чудачеством. Теперь ему даже нравился этот вечерний ритуал.

Приходя с работы и поужинав вдвоём в уютной тишине на кухне, Влад шёл в комнату, садился на диван и ноги перекидывал через подлокотник. Ждал.

Полина вытаскивала и впрямь довольно громоздкий пылесос из шкафа и принималась пылесосить. За день она не успевала насорить достаточно, чтобы нужно было делать это каждый вечер, но Владу словно особое удовольствие доставляло смотреть, как она водит щёткой пылесоса по ковру.

Однажды Полина обнаружила рекламу робота-пылесоса. Беззвучного и самостоятельного.

«Прости, дорогая, — вздохнул тогда Влад. — Пока нет денег. На твой день рождения, хорошо?»

Денег и впрямь стало меньше, чем в Москве. Там ведь и зарплаты были другие. Так что Полина

почувствовала себя немного неловко. Ну и постеснялась напомнить о подарке. Пожалела она об этом почти сразу. Влад подарил ей массивное кольцо с чёрным жемчугом. Даже на вид дорогое. Позже Полина из любопытства нашла кольцо в интернете. Оно стоило дешевле, чем могло показаться на первый взгляд, но всё равно дороже робота-пылесоса.

Полина как могла изображала радость: снова растягивала губы улыбкой, прикладывала кольцо поверх своего простого летнего платья. Иногда ей казалось, что внимательный Влад поймёт и расстроится, вон как он глядит на неё. Но Влад только принёс её любимый торт и вино. И кольцо было забыто, как и робот-пылесос.

Подруги с женского форума утверждали, что это нормально.

«Они не догадаются, даже если им пришлётся ссылку», — утверждала Зайка1990.

«Мой подарил мне набор сковородок, а ведь я готовлю только на пару!» — поддержала её Чёрная_ПаНтЕрА.

И Полина окончательно успокоилась. Прячущиеся за аватарками и забавными именами подруги понимали её куда лучше, чем те, что остались в Москве. Те, бывшие подруги, полагали, что она слишком долго не возвращается в норму. И при этом они же считали, будто она чересчур быстро вышла замуж.

На форуме никто не собирался расспрашивать её о прошлом. И все поддерживали. Почти как Влад.

Полина потёрла запястье. Нестерпимо захотелось выйти на форум и спросить, бывает ли у кого-то боязнь резких звуков. Но она не мог-

ла. Эта часть её жизни тщательно скрывалась за закрытыми дверями. Полина вовсе не хотела исследований, таблеток и принудительного лечения. У неё всё пройдёт само. Она же выходит изредка на улицу с мужем? Вот и одна сможет выходить.

Как ей говорил Влад, и сам, и с помощью своих стикеров: маленькими шажками. Они вместе справятся с этим. Полина вспомнила именинный торт, две розово-перламутровые цифры два и шесть и то, как она задувала свечи. Воск успел немного оплавиться и капнуть на шоколадную глазурь, но она загадала, что всё изменится. И ей удалось задуть огоньки с первого раза. Нет, они просто обязаны справиться. Вместе.

Полина моргнула и потёрла заслезившиеся глаза. Против воли снова всплыли слова. «Сможет». «Убить». «Сможет». «Помни это!» Это все оттого, что она бесцельно таращилась на светлый мерцающий экран с открытым документом. Такое случилось и раньше. Ничего страшного, да ведь?

Полина помотала головой, отгоняя навязчивые слова, и попыталась сосредоточиться на тексте. Ещё немного, и можно наградить себя кусочком печенья, откинуться на кресле и, закрыв глаза, посидеть так в тишине.

Резкий стук в дверь, дробный, словно беспорядочные выстрелы над тихим озером туманным утром, выкинул Полину из её сосредоточенности. Паника накрыла её с головой так резко, что Полина почувствовала себя словно под водой. Сквозь шум в ушах ещё пробивался стук, но сама Полина сжалась в комочек в кресле и что есть силы зажмурилась.

Глава 2

Пять лет назад.

Полина жмурится и сжимается, пытаясь заниматься как можно меньше места. Мозг словно вопит, что это должно помочь, но он лжёт. Полина зря надеется, что это убережёт её от удара. Такое работало только в кино — ты зажмурился и пропустил страшную сцену. А героя на экране кто-то спас. И ты выходишь из тёмного зала с непривычно расширенными на свету глазами, но тебе нигде не больно.

Жаль, что это происходит по-настоящему и Полина понятия не имеет, как это остановить.

Она знает, что её бьёт сильный мужчина — и больше ничего. За что, почему именно она, что она сделала ему?

Ответов нет.

Очередной удар приходится по лицу, и острая боль отдаётся в макушку, что-то словно хрустит, но Полина понятия не имеет, что это. Она не знает, когда это закончится и когда эти точечные вспышки боли, растекающиеся после удара по телу, приведут к потере сознания. Она же должна потерять сознание от боли, разве нет? И очнуться в другом месте, в хорошем. Хорошее место. Место, где не больно.

Больно.

Как больно!

Слезы льются сами, хотя Полина не плачет. Наверное, у неё что-то повредилось. Её никто никогда не бил, да ещё так сильно. Она продолжает жмуриться и подтягивать ноги к груди, пытаясь закрыть мягкий живот, но это не помогает. Неизвестный с тяжёлым дыханием — он не тратит силы на

разговоры — бьёт так, будто копает траншею. Удар, ещё один. Прилетает в не защищённый руками бок, в плечо.

Полина пытается прикрыться, хотя в голове вертится мысль: «Открой глаза! Ты должна его запомнить!» — но Полина не хочет никого помнить. Она хочет, чтобы это закончилось, чтобы ей больше не было больно.

Слишком темно. Слишком страшно. Кричать надо было раньше, когда внезапно вынырнувший из-за кустов мужчина в темной куртке дёрнул её за руку и затащил туда, откуда появился.

Пахнет травой, этот запах ударил в нос первым и давно перестал казаться приятным. А ещё почему-то пахнет куревом, но не от куртки нападавшего, которая воняла только потом, а от окурков, по которым протасили Полину, прежде чем кинуть на землю и придавить коленом. Эти запахи смешиваются с яблочными тонкими духами самой Полины. Духами этими она больше не пользовалась. Никогда.

Перед глазами всплывает скамейка, за которой растёт пышный куст. Шиповник или розы? Почему-то мозг Полины хватается за любой кусочек реальности и цепляется за него так, словно это может спасти. Скамейка выкрашена в белый, а по бокам черной густой краской железные ножки измазаны так небрежно, что часть краски попала на асфальт и на белые рейки. Но фонарь, как и все остальные, не горит. Кругом темно. Как обычно.

...В двери заскрежетал ключ, и Полина беспомощно зашевелила губами, пытаясь вдохнуть немного воздуха.

— Мы подумаем, Мария Николаевна, — мягкий голос Влада подействовал на Полину не хуже укола

успокоительного. Только не щипало плечо, как после укола.

Иногда Полина скучала по временам в больнице, когда можно было попросить снять приступ паники с помощью таблетки или укола. Но Влад заметил однажды, что ей придётся в таком случае встать на учёт у психиатра. Разве они хотели этого? Полина точно не хотела. Встать на учёт в больнице для неё было равнозначно тому, чтобы встать на табуретку посреди многолюдной площади и крикнуть: «У меня огромные проблемы!»

Пока они с Владом справлялись с этими проблемами. А паника и страхи... О них не принято говорить. Если подумать, то у кого их не бывало?

— Обязательно приходите вместе с Полиночкой! — визгливо продолжила соседка то, что Полина не расслышала из-за закрытой двери. — Давно её не видела! Всё хорошо у вас?

— Все превосходно, Мария Николаевна, — во всё ещё мягком голосе Влада Полина слышала неприязненные нотки. Они с мужем были так близки, что она могла с лёгкостью определить степень его злости или раздражения с полуслова. Но соседка, конечно, таким умением не обладала.

— А чего тогда не выходит на улицу? — продолжила она с тем наивным болезненным любопытством, что обычно отличало одиноких и ничем не занятых женщин.

Полина как наяву видела, что творится там, снаружи. Лестничная площадка, выложенная квадратами плитки: голубые — гладкие, зелёные — ребристые. Влад стоял у открытой двери и держался за ключ в замке. Всем своим видом он выражал нетерпение: несмотря на улыбку, хмурился; поглядывал на фитнес-браслет; пристукивал ногой; качал две-

рю. Туда-сюда. Это Полина чувствовала по лёгкому сквозняку, который словно менял направление.

Но соседка не унималась.

Полина выдохнула. Муж приходил на обед не каждый день, только если в автосервисе предполагался день посвободнее. Он предупредил, но сама же записка и вывела её из равновесия, что она совсем расклеилась и пропустила время обеда. А сейчас ещё соседка отнимает его драгоценное время.

На слабых ногах — они такие всегда после паники, словно ватные, — она медленно прошаркала к прихожей. Точно старуха, куда до неё энергичной соседке! Там Влад, теперь можно не скрывать, что она дома. Можно не бояться коридора и того, кто там мог бы оказаться.

Полина выглянула в щель между дверью и стеной. Холодный коридорный воздух мягко остудил её лицо. Она и не заметила, что дома так душно!

Судя по лицу Влада, он сразу понял, что стук в дверь выбил её из колеи. На его нахмуренное лицо скользнула виноватая улыбка.

— Я чуть задержался на обед. — Он указал подбородком на бумажный пакет в левой руке. — Взял нам с тобой суши. А Мария Николаевна хотела пригласить нас в воскресенье на шашлыки. Вот я и объяснял ей, что у тебя мигрени.

Полина слабо улыбнулась в ответ. Получается, ей просто повезло, что Влад опоздал совсем немного? И как он догадался, что она будет слишком разбита, чтобы готовить? Наверное, просто совпало, но как удачно. Из тех совпадений, о которых приятно думать.

Суши Полина не любила, да и в маленьком Вейске они были только в одном ресторанчике, и Полина каждый раз боялась, что отравится рыбой. Но

большой, так что она не возражала от передышки на кухне.

— Да, плохо себя чувствую, — растянула Полина губы в кроткой улыбке. — Простите, Мария Николаевна.

Невысокая веснушчатая женщина — сколько ей лет? Пятьдесят? Больше? — мелко закивала в ответ.

— Прости, милая. Забываю всё время про твою мигрень, — таким громким шёпотом произнесла соседка, что, будь у Полины настоящая мигрень, сейчас она бы усилилась во сто крат. А потом уже нормальным голосом добавила:

— Ждём вас в воскресенье с двенадцати!

И она пошлёпала на первый этаж, а Влад так спешно влетел в квартиру, что едва не сбил Полину. Он обхватил её руками, чтобы она не упала, отчего пакет с суши впился ей в бок.

— Соседи совершенно невозможные, — хмыкнул он, щекоча тёплым воздухом её макушку. — Прости, дорогая. Полная безопасность связана с постоянным вниманием к личной жизни каждого жителя этого социума.

— Понимаю. — Полина осторожно вывернулась из его рук. Вообще-то у неё не было проблем с прикосновениями Влада. Пожалуй, только он и мог её касаться совершенно спокойно. Но сейчас, после двух панических атак подряд, она была слишком чувствительна. — Пойдём пообедаем?

— Прости, — снова произнёс Влад. — Время, потраченное на Марию Николаевну, выжрало весь мой обеденный перерыв. Я побегу обратно. На ужин приду голодный, как тигр!

Он всучил Полине пакет с суши и выскочил за дверь. Полина слушала. Один поворот ключа, второй, третий. И торопливые шаги.

Полина подкралась ближе и аккуратно приоткрыла глазок, выглядывая в полутёмный коридор. Иногда, когда у неё не было срочной работы, она могла много времени провести вот так, стоя перед глазком. Соседи появлялись довольно редко, да и гостей тут почти не бывало. Но это подглядывание успокаивало Полину. Это она смотрит за чужой жизнью, а не наоборот.

Но сегодня она позволила себе лишь пару минут. Работы было ещё слишком много, она только начала редактировать текст. Полина осторожно задвинула пальцем шторку на глазке, лишь после этого отстранилась от двери. Мысль, что никто в пустом коридоре не увидел ни лучика света из её прихожей, странно успокаивала.

Она прошла на кухню и сунула суши прямо в бумажном пакете в холодильник. Есть ей пока не хотелось.

Полина снова поставила чайник и вернулась в комнату. Зажала капслок и написала: «МИГРЕНЬ. МИГРЕНЬ! МИГРЕНЬ?» — прямо через чужой текст, потом аккуратно стёрла. Были ли у неё мигрени? Хотя когда-нибудь? Она не помнила. Иногда её тошнило, да и голова болела — следствие сотрясения мозга из того прошлого. Но мигрени? Впрочем, как отговорка они были вполне ничего.

И Полина села поближе к монитору. Глаза забежали по тексту, пальцы на мышке сдвигали документ всё дальше. Она может нормально работать и вовремя сдавать задания. Счастье, что хорошие корректоры и редакторы всё время нужны, а работать могут на удалёнке!

Полина настолько успокоилась, постоянно вчитываясь в текст, что даже картина за спиной перестала беспокоить её. Работа спасала. Не зря она ста-